

Что сыграл, то мое

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

В зале темно. Только сцена скупо освещается плафонами. В этот театр нас возили, как на экскурсию. И когда-то верхом изысканности в Литве считалось сказать небрежно: был в Паневежисе. Театр Мальтиниса, театр Баниониса — замкнутый мирок третьего искусства.

— Господин Банионис, в последние годы многие деятели искусства ударились в политику. Почему вы с вашим авторитетом не занялись ею?

— Зачем мне в политику идти? Меня до 80-го года втягивали в политику. А я, хорошо не подумав, что это не нужно, молча согласился. Вначале показалось: ничего плохого в этом, все нормально, имел даже какие-то привилегии. Потом увидел, что это глупо. Стал слышать к тому же от людей, от знакомых: «Куда ты пошел? Зачем это делаешь?» И когда появилась возможность с этим покончить, с радостью с политикой распростился.

А заново? Влезть в нее — в такую проходящую вещь? Теперь я думаю, что настоящему художнику политика противопоказана.

— И все же: вы сбежали от политики или замкнулись в театре?

— Я освободился от обузы. Мне легче стало жить. Хотя пришлось отказаться от многих вещей, которые давали положение, депутатство.

— Насколько, по вашему мнению, сейчас нужны театры народу?

— Мне постоянно приходит мысль: кому мы сейчас нужны? Но я понимаю, что в историческом плане без театра, без музыки, без живописи, без культуры народ, государство пропадет. Сейчас плохое время для культуры, очень плохое. Иллюзию создавать, дескать, нет, мы нуж-

ны, мы создаем, творим, знаем искусство, — бесполезно. Все это теоретически. А практически часто приходит тревожная мысль, что мы не нужны народу. Но мы не имеем права капитулировать.

— Не в лучшем положении театры и в других республиках бывшего Союза. У вас хоть какие-то отношения сохранились между собой?

— Театр не может закрыться в каком-то мире, в стенах своего государства, своей культуры. К сожалению, сейчас такая политическая ситуация в России, Украине, Латвии — словом, во всех республиках, что контакты прервались. Меня пригласил недавно директор международного фестиваля «Вересиль-93» Валерий Иванович Секишев в Харьков. Слушайте, какое было удовольствие встретиться с американцами и бразильцами, русскими и украинцами. Все мы одного племени, и у нас нет никаких национальных недоразумений.

— А почему вы тогда уеди-

нились в Паневежисе, редко появляетесь на людях?

— Господи, так все друг от друга скрываются. Даже на автобус в Вильнюс билет стоит дорого. Не могу поехать, куда хочу, потому что не имею возможности попросту. Гости роли сколько стоят! Они не приносят дохода.

— Дотации?

— Дотации и спонсоры.

— Без денег не было бы и театра вашего?

— Плохо без денег. Получаем от государства зарплаты, маленькие, правда, но, слава богу, что еще получаем. Я не очень-то могу согласиться с теми, кто говорит: «Каждый за себя». Да, жизнь такая, что каждый за себя. Но так жить нельзя. А если «за себя», то хотя бы для какой цели? Для денег? Для богатства? Да, я борюсь «за себя», точнее — за свое искусство. Думаю, деньги — только средство, чтобы я мог жить и творить. Хорошо, если они есть. Но если у меня их нет, все равно я не мог бы сказать: «К черту театр! Лучше делать бизнес!» Другой может нагнать денег, сколько хочет, виллу построить, черт знает что, яхту, например, купить. А я не могу. Я знаю, что и многие не могут. Я обязан играть для публики. Она должна приходиться по дешевым билетам, посмотреть мой спектакль, а я в это время — не думать, как мне заработать миллионы на театр.

Как раз сейчас репетируем «Смерть Тарелкина». Недавно приезжал режиссер из Швейцарии Петер Стойчев. Поставил две пьесы. Играю в «Метеоре» профессора Швитера, главную роль. В «Печальной корове и нежном быке» — тоже хорошая роль.

— В кино приглашают?

— Да, приглашают, но я не могу ехать. Смешно, но не

знаю, как добираться. Ну, до Москвы ясно. А потом — границы, таможи, валюты... Раньше ведь как: утром на «Мосфильме», вечером в Вильнюсе, а оттуда и домой рукой подать. Без проблем в Баку и Тбилиси слетать на съемку было. Было... А сейчас и времена не те, и денег нет. Хотя ставят фильмы, но они нигде не показываются. Не так давно снялся на «Беларусьфильме», «Мосфильме», «Ленфильме». Но фильмы не вышли на экран, потому что их никто не купил.

— Не жалеете о некоторых сыгранных ролях?

— Нет-нет, что сыграл, то мое. Жалею только о том, что не удалось сыграть. Есть в театре и кино роли, которые просто не удалось. Творческая неудача, словом. То ли я был виноват — недопонял, то ли не очень постарался. То ли режиссер не мог найти контакт. Вот этих ролей жалею, которых не сделал как художник. Честно? 90 процентов сыграл не так, как нужно. В кино удачами считаю пять — семь ролей. «Солярис», «Никто не хотел умирать», «Мертвый сезон», «Гойя», «Кентавры». А в некоторых фильмах мог бы и не играть. А почему играл? Сегодня все не объяснишь. «Такие времена были...»

— Вы лауреат многих Государственных премий, имеете звание Народного артиста СССР, Народного артиста Литовской ССР, обласканы были властями. В эпоху перестройки многие ваши коллеги постарались как можно скорее отрестировать от старого режима, отказаться от наград. Почему этого не сделали вы?

— В конце концов, если принял награды в то время, было бы аморально, неприлично отказываться от них сегодня. Тем более что работал не из-за званий, не из-за денег. Но

я никогда не носил значков, мне стыдно было их показывать прилюдно.

— Паневежис — небольшой город. Шестнадцатилетним мальчиком вы пришли в театр и выросли до именитого, известного во всем мире мастера. Не докучает известность?

— Ничего. 50 лет живу в этом городе. Всякое было. Каких только властей не видел. В 40-м первая советская власть, немцы...

— Театр в ту пору существовал?

— Да, и при немцах играли. Потом снова советская власть. Все пережил. Еще не знаю, что завтра будет. Закат, осень уже приходит...

— Ну, что вы...

— Приходит, приходит — никуда не денешься. Нытье не поможет. Надо жить. Жить можно. Если глянуть назад, что ж, плохого было много. Пережил. Надо как-то жить. Да и осталось недолго в театре играть. 70 лет как-никак...

— Займетесь рыбалкой...

— Не умею ловить рыбу. Господи! Заниматься есть чем. Читать сколько! А жена, дети, внуки... А еще, может, буду играть где-нибудь: в кино там, театре, пусть и в другом. Просто придет время, когда не смогу состоять в штате. Буду свободным. На пенсии.

— На очень печальной ноте заканчиваете беседу что-то...

— Но это реальность. Я оптимист, но реальный оптимист.

Он вовсе не старый и никак не выглядит на свои семь десятков. Несколько раз встречался я с Донатасом Банионисом, пока готовилось интервью. Бодрый, какой-то молодой, а все же чувствовалась усталость. А, может, он пришел к какому-то выводу?

Владимир ЗАРОВСКИЙ.